Семирамида перенесла взгляд на виднеющийся вдали силуэт Камелота - или, точнее, на то место, где должен был находиться Камелот - “Богиня запаниковала… Хотя, можно ли примерять человеческие эмоции на существо, подобное ей?”

Все это время существования Сингулярности хрупкий баланс поддерживался на территориях выжившего человечества благодаря системе сдержек и противовесов между влиятельными и могущественными Слугами… И тех, кто был слишком мал и незаметен для того, чтобы обращать на них внимание.

Но этот баланс всегда был весьма хрупок - каждый из участников, из правителей понимал, что момент войны, первого, последнего и главного сражения был близок… И длительное ожидание в конце концов было завершено с появлением Аинза и его Слуг, решивших поставить в недосказанности Сингулярности большую жирную точку.

Богиня Камелота, Король Артур - Семирамида не была слишком посвящена во все аспекты ее планов - но она знала, что Камелот выжидал своего момента, медленно подготавливаясь, прежде чем…

Прежде чем наступило сейчас - и белые стены Камелота оказались буквально поглощены светом, поднимающимся с земли и до неба - золотое сияние, подходящее регальной особе и столь величаво бы выглядящее в других условиях в текущих условиях казалось практически тошнотворным - золотой солнечный свет, обволакивающий фигуру замковых стен, уходящий вверх, лишь подчеркивал пустоту вокруг стен, высвечивая пустой песок, мертвую тишину, разносящуюся над городом, и замерших в молчаливом дозоре рыцарей на стенах, покрытых полностью доспехами, из-за чего те производили впечатление статуй или роботов, ожидающих приказы, нежели живых существ. Картина, что должна была выглядеть как величественная казалась практически тошнотворной - словно проклятый город-призрак, населенный мстительными призраками прошлого, по недоразумения вместо зеленого ядовитого тумана или серой промозглой мглы окутанный ярким солнечным светом, столь несочетающимся с его истинной натурой…

“К тому же это обеспечивает дополнительный уровень защиты для Богини” - Семирамида не знала конкретно о том, что планировала совершить Король Артур, запершись в своем замке - но что бы это ни было - она потратила свое время и силы для того, чтобы окружить свой замок самой надежной защитой, что она только могла.

Уничтожить стены Камелота, возникшего в одночасье с появлением Короля Артура было невероятно сложно - но по крайней мере их можно было преодолеть по воздуху или благодаря магии - однако насмешливое золотой сияние, покрывающее Камелоты в данный момент, означало то, что пробраться внутрь было значительно сложнее, чем просто перелететь через стены.

Главный калибр Висячих Садов Семирамиды нес в себе огромную мощь - его должно было хватить как минимум на то, чтобы обеспечить брешь в защите Камелота - но за исключением того… Семирамида могла обеспечить лишь дальнобойную поддержку остальным сражающимся.

Семирамида была весьма… Для сохранения ее королевского авторитета легче всего было сказать, что таланты Семирамиды лежали в государственных делах, отравлениях и тайных убийствах, но не в открытом бою. Если точнее, то Семирамида могла продемонстрировать всю свою выдающуюся мощь двумя способами - либо используя Висячие Сады - либо сражаясь внутри своих Висячих Садов. За их пределами Семирамида была великолепной

отравительницей, правителем и интриганкой, но не самым выдающимся из воинов. В конце концов, почему она должна была? Варварское ремесло солдата должно было быть уделом варваров - истинная правительница должна была использовать те способности и ресурсы, что были ей дарованы по праву рождения - в переговорах ли или в бою.

А это в свою очередь означало, что после первого удара, обеспечивающего создание бреши в защите противника сама Семирамида должна была отойти от сражения, в лучшем случае атакуя периодически издалека - без возможности вмешаться в сражение - и без возможности быть атакованной в этом сражении. В конце концов в ее текущем положении, на высоте и вдалеке, Семирамида была практически в безопасности - насколько это слово было применимо в текущих условиях.

Даже предполагая возможность того, что кто-то решится атаковать ее крепость - издалека это было возможно сделать только атакой, соразмерной по силам с Благородным Фантазмом - и хотя Семирамида не сомневалась, что у Богини окажется достаточно маны для того, чтобы поддерживать подобную способность - ни одно живое существо банально не выдержит десятки и сотни использований подобной силы раз за разом - быть может, сама Богиня, но не сторонние Слуги - сколько раз бы Богиня не даровала им ее собственную силу.

Добраться же до Семирамиды было, вероятно, даже сложнее, чем атаковать ее издалека - на такой огромной дистанции, учитывая, что Семирамида все также обладала возможностью использовать иные возможности своей крепости для атаки - даже со всей скоростью Слуг никто не успел бы преодолеть подобную дистанцию не встретившись с ответным огнем Семирамиды. После, даже преодолев эту проблему - Семирамида все также парила в своем дворце на высоте слишком высокой для любого Слуги - и Семирамида была вполне уверена, что никто из Слуг Артурии не обладал возможностью полета - и не то, чтобы Семирамида планировала опускать свою замок вниз.

Но даже добравшись до Висячих Садов противник не найдет там легкой добычи - Семирамида обладала всей полнотой своих возможностей внутри своих Висячих Садов - и не планировала уступать другим Слугам в бою - как минимум на своей территории.

Конечно, вспоминая Аинза, Семирамида не могла не поморщиться - возможно, она бы предпочла, чтобы кто-нибудь из могущественных воинов или магов все же оставался на ее стороне - на тот случай, если противник все же доберется до ее обители - для успокоения ее души и тела…

Но не то, чтобы она могла надеяться на случайное появление неизвестного союзника из ниоткуда - точно также, как ей не стоило переживать и по поводу нападения на ее парящий замок. Все, что могла произнести Семирамида в конце концов - это лишь то, что даже в великих планах находилось место незаметным случайностям…

Однако, будь то магия, яд или даже самый варварский из всех методов убийства - клинок у шеи - Семирамида планировала победить.

Какая бы цена за это не была уплачена.

***

Машу родилась и прожила всю свою жизнь в Халдее. Она выросла видя белые стены Халдеи, получала еду из столовой Халдеи, ее солнечным светом были лампочки Халдеи - всю свою жизнь Машу прожила в Халдее. Можно сказать, что Машу родилась, прожила всю свою предыдущую жизнь под защитой, в приюте и в укрытии - вполне ожидаемо в таком случае было

бы, если бы Машу выросла слабой, неподготовленной к жизни во внешнем мире девочкой…

Что же конкретно в данном случае о ней говорил тот факт, что глядя на Камелот Машу не чувствовала страха, а вместо этого… Какое-то подобие предвкушения?

Не предвкушение адреналинового маньяка или закаленного берсерка, конечно же нет - да и сама Машу все еще испытывала некий небольшой укол нервозности, заставляющий ее чувствовать бегущие по ее рукам мурашки, но она пережила… Сколько уже боев? Сколько фантасмагорических сражений великих фигур прошлого, убийство королей, героев, демонов, богов… Даже среди магов современности - тех, кто казался “невероятным” простым обывателям этого мира - рассказ Машу мог собрать восторженные овации, зависть или обвинение в банальной лжи.

“Почему-то я чувствую печаль по этому поводу” - Машу неожиданно выдохнула - “Фантастические книги и фильмы теперь будут меньше привлекать меня… Хотя, Медуза не отказалась от своего хобби чтения книг - даже при том, что она сама является легендарной фигурой. Может быть и для меня это не станет такой уж проблемой?”

Сам факт того, что выжидая считанные часы перед очередным началом огромного сражения героев монстров, которое само по себе вполне вероятно было одним из событий, буквально определяющим ход человеческой истории, Машу могла позволить себе отвлечься на что-то столь стороннее, как размышление о литературе, говорил о том, что Машу серьезно изменилась с того момента, когда она впервые оказалась на поле боя - ее огромный щит в руках…

“Дети так быстро растут…” - комментарий Галахада проскользил в голове Машу, но та не позволила Галахаду испортить ее настроение, продолжая глядеть в сторону Камелота, поглощенного золотым сиянием.

“Даже осознавая, насколько плох подобный вид Камелота - я вынужден сказать, что он выглядит прекрасно…” - Галахад в конце концов решил отказаться от шуток и просто произнести что-то обычное - “Если бы ты только смогла увидеть, как Камелот выглядел на самом деле… Мне жаль, что туда уже нельзя вернуться.”

На эти слова Галахада Машу не ответила ничего, продолжив смотреть на Камелот перед ее глазами чуть более печально, чем она делала это в прошлом, и повернуть голову, находя взглядом ее союзников на это сражения - Тавару и Араша - и Артурию, молчаливо продолжающую смотреть взглядом на Камелот, что больше не был ее домом.

“Они подготовлены” - спустя пару секунд произнес Галахад, прежде чем объяснить свою мысль - “Солдаты Камелота, я имею ввиду. Не только Рыцари Круглого Стола, но и просто солдаты - а в Камелоте, на их подготовленной земле, за всеми защитами и помощью от ложного Короля Артура… Это будет большое сражение.”

На эти слова Машу не ответила, задумавшись на мгновение.

Ее местоположение в сражении не было чем-то невероятным или неизвестным - как обладательница щита лучшим местом для нее было обеспечение защиты для других Слуг… Что было не столь удобно в ближнем бою Слуг, когда ситуация менялась ежесекундно и половина сражения представляла из себя акробатические трюки - но разве Машу могла позволить себе стоять в стороне от сражения в Камелоте - даже если ее вклад в общую победу не был бы столь велик?

Да, возможно, если бы она оказалась кем-то вроде Арчеров то, возможно, ее полезность была бы даже выше… Или если бы у нее был могущественный атакующий Благородный Фантазм, который ей нужно было бы применить всего раз для того, чтобы внести свою лепту в сражение…

“У тебя есть неразрушимый щит, настоящий Камелот - а не эта подделка на святой земле” - Галахад чуть одобрительно произнес в разуме Машу - “Твое дело - давать защиту, и держать любую атаку, направленную против тебя. Пока ты делаешь это - я уверен, что ты делаешь достаточно для победы.”

“Возможно” - не стала спорить Машу, позволив только себе на секунду представить на месте своего щита огромный лук, выпускающий сотни стрел по Камелоту - что трансформировалось в воспоминание о Сите, способной уничтожить любого противника своим благородным фантазмом, прежде чем сбросить с себя эту мысль - “Но если бы у меня хватило сил на то, чтобы сломать стены Камелота…”

“То ты бы была читером, а читеров никто не любит” - Галахад допустил смешок в разуме Машу, заставив ее выдохнуть через нос в не до конца оформившемся смешке - “Представь себе Артурию с непробиваемой защитой - ей не был бы страшен никакой предатель в таком случае - она бы…”

Спустя мгновение Галахад замолчал, после чего выдохнул - “Забудь эту мысль.”

“Почему?” - неожиданно сбившийся со своей мысли Галахад привлек больше внимания к себе от Машу, заставив ее заинтересоваться.

“Эм, я только что понял, что это как раз неправильный пример…” - Галахад произнес медленно, после чего, в момент, когда Машу сосредоточилась на изображение внимательного сверлящего взгляда, заглядывающего в душу Галахада, тот сдался - “В смысле… У Артурии был Авалон…”

“Авалон… Благословенная земля?” - Машу на секунду задумалась, прежде чем перед ее взглядом появилось изображение ножен - “Изнанка мира, где магия всегда жива и только чистый сердцем и душой однажды ступит туда…”

“У Артурии в прошлом были ножны, Авалон…” - вздохнул Галахад - “В каком-то смысле они и были Авалоном… Несли в себе свет Авалона - свет и суть прекрасной земли без страданий и боли, рассеивающей всю земную ношу, лежащую на ее плечах… Что включало в себя еще и абсолютную защищенность от всех видов атаки.”

Попытавшись осознать сказанное спустя мгновение Машу смогла произнести только - “Вот оно что…”

“Ну, да” - без особой радости вынужден был произнести Галахад, прежде чем попытаться - неудачно - успокоить Машу - “Хэй, но Бедивер тоже побывал на Авалоне и ему не досталось ничего значительного - он даже не Слуга, а просто человек в данный момент! Так что у тебя все неплохо! По крайней мере у тебя есть щит, а не заменили одну руку на протез - радуйся мелочам!”

Представив на секунду собственную руку, замененную на щит Машу вздохнула - не то, чтобы это помогало в отношении Артурии, обладающей Авалоном - по крайней мере это позволяло подбодрить себя тем, что ситуация Машу могла быть хуже текущей. По крайней мере ей не достались слабости Бедивера, вроде его человеческого - даже спустя все прошедшие годы

жизни - тела, его уязвимости - и в текущей форме, даже если Машу не хватало мощного атакующего Благородного Фантазма… По крайней мере у нее что-то было.

“Хотя, если так подумать, то Бедивер может рассеивать влияние ложного Короля Артура, то есть тоже несет в себе частицу Авалона…” - Галахад попытался уйти в размышления внутри разума Машу, заставив Машу закатить глаза - “Галахад?”

“Что?” - спустя мгновение Машу послала Галахаду изображение самого ядовитого и прессующего взгляда, что она только могла представить - “Помолчи.”

“Конечно!” - Галахад мгновенно отступил на задний фон ее разума, позволив Машу, после нескольких секунд молчаливых вдохов и выдохов сбросить с себя проблематичную ношу размышлений.

Все, что ей было нужно - это быть щитом, держать удар, и терпеть до конца.

И тогда все закончится хорошо.

***

Медуза задумчиво провожала взглядом облака, что проплывали неспешно над Камелотом, окрашиваясь золотым сиянием в момент своего движения над городом, прежде чем превратиться в темную дымку, плывущую по небу дальше спустя мгновение.

Даже в текущих условиях Медуза могла сказать только то, что она… Наверное, наслаждалась картиной перед ее глазами.

Не в смысле Скатах, своим хищным взглядом выслеживающая любое возможное или выдуманное движение солдат на стороне Камелота, как гончая, готовящаяся к новой охоте, будто бы ей требовалось только мелкое движение зайца - и она была готова броситься вперед, в охоту, до тех пор, пока не настигнет добычу. Скорее, не желая начала сражения и кровопролития Медуза наслаждалась прохладным воздухом, треплющим ее волосы, сидя на каменном парапете, глядя в вечернюю картину Камелота, словно бы подсвеченного золотыми софитами на фоне ночной пустоты.

Медуза не испытывала ничего особенного в предвкушении грандиозного сражения - ни нервозности, ни предвкушения, ни страха - по большей части исходя из того, что Аинз - и огромное число могущественных союзников было на ее стороне - и сама она вовсе не была беззащитна… Но даже если ей было предначертано погибнуть в этом бою - это не особенно пугало Медузу. Медуза вовсе не была кем-то, боящимся смерти - по крайней мере в этот момент.

Хотя, возможно, даже в этом случае все это было связано с Аинзом и верой - или, может быть, пониманием того, что не существовало никакого другого шанса на разрешение этого сражения. Аинз победит, Халдея поставит еще одну отметку об удачно выполненной миссии, а человечество избавится от еще одной Сингулярности в своей истории.

Это не произойдет по щелчку пальцев - Медуза могла представить себе сражение со Слугами ложного Короля Артура - и сражение это должно было быть не только грандиозным, но и сложным.

На секунду Медуза представила себе картину поля боя скорого сражения - Скатах, с проявляющимся только блеском в глазах яростью и весельем, вгрызающаяся копьем в тело

противника - и противника, решившего выступить против Скатах, с холодным и отрешенным выражением лица отвечающим ей в ответ.

Медуза позволила себе на секунду задуматься об этой картине вновь - найдя Скатах на границе поселения крестоносцев взглядом.

Медуза знала о Скатах - знала о ее печальной истории… По крайней мере печальной с точки зрения самой Скатах.

Не так мало людей пожелали бы поменяться с ней местами, обрести бессмертие на целую вечность…

И, наверное, каждый из них пришел бы в конце концов к тем же выводам, к которым пришла Скатах - желание бессмертия сменилось бы на желание умереть окончательно.

Наверное, в каком-то смысле это можно было считать дополнительной чертой к желанию Скатах сражаться - внутри нее существовала не только ее суть жаждущей крови и сверкания клинков воительницы, но и отчаянное желание смерти… Желание, которому не суждено было сбыться.

Возвращаясь вновь к Аинзу - вероятно, Аинз мог, так или иначе, исполнить ее желание - Медуза не удивилась бы даже замечанию о том, что подобное страшное проклятие было для него не просто обычным делом, а стандартным методом атаки - но это был Аинз и все это можно было оставить на том.

Однако кроме Аинза…

Медуза задумалась на секунду - что же с ней? Медуза могла использовать свои собственные способности - однако, при всей ее невероятной возможности “подобрать самого идеального монстра для любого героя” ее сила не была бесконечна. Кто-либо, обладающий достаточной силой мог прорваться через расставленные ею ловушки - и исключая это - помимо силы Медузе требовалось знание и возможность ударить в слабость своего противника - а это само по себе требовало сведения, навыки и способности.

Создаваемые Медузой чудовища не были идеальны сами по себе - ее создание можно было победить благодаря использованию скрытого козыря или дополнительных возможностей - и, в конце концов, существовала возможность победить саму Медузу, избавившись от создательницы монстров вперед ее монстра.

Частично Медуза могла компенсировать подобную слабость благодаря своим другим Благородным Фантазмам - частично благодаря Скатах, говоря о конкретно текущем сражении - но при всех своих силах Медузу нельзя было назвать ни непобедимой, ни даже сильнейшей - просто одну из многих сильных.

Возможно у Медузы получилось бы сдержать Скатах, привести все к ничьей - особенно учитывая потенциально бесконечные запасы маны Аинза - однако добиться окончательной победы против Скатах у Медузы, скорее всего, не получилось бы. Даже трюк, что она проделала с Алисой в прошлом, запечатав ее отдельно был практически невозможен со Скатах - Скатах была намного более опытна в сражении, намного сильнее физически - и источник ии бессмертия исходил не из факта ее существования в качестве “искривления реальности” - что могло было быть уничтожено или использовано себе на пользу в сражении - а благодаря факту того, что она физическа потеряла возможность умереть или быть уничтоженной, став одной из богоубийственных констант этого мира.

Медуза могла сдержать подобную угрозу, но не уничтожить окончательно. Даже использовав все свои возможности - у нее было мало шансов окончательно разобраться с противником, способным пережить гибель Солнца или что-нибудь еще более смехотворное.

Скорее всего, чтобы разобраться с подобным противником Медузе бы потребовалась посторонняя помощь какого-нибудь ужасающе сильного черного мага, владеющего секретами проклятий, смерти и некромантии…

По счастливому совпадению условий Медуза знала одного такого - и потому могла не переживать даже думая о подобном мысленном упражнении “а что, если?”

Впрочем, задумавшись на секунду о фигуре ужасающего черного мага, ворвавшегося в ее бой с целью спасти Медузу и уничтожить ее противника, подвергнув врага, посмевшего поднять руку на нее тысячам ужасающих пыток, Медуза сбросила с себя подобные размышления, переведя взгляд на пылающий золотым светом Камелот.

Финальное сражение Сингулярности медленно приближалось, шаг за шагом…

***

Озимандия Великий, царь всех царей, и бог среди богов, не поднялся со своего трона ни спустя секунду после заключения своего альянса, ни в считанные часы перед началом сражения. Зачем он должен был? Он знал о Камелоте, о Львиной Богине, о том, как выглядели чертоги замка Артура в прошлом и как они выглядели сейчас.

Договор был заключен, альянс был достигнут и более не требовалось никаких обсуждений или светских приемов - велением великого Озимандии тот поручил выделить прибывшим к его трону гостям комнаты в его дворце - и этого было достаточно для того, чтобы признать право прибывших находится на его территории - не как проходимцев, но как дипломатов и союзников.

Помимо прибывших к подножью его трона гостей, впрочем, прибыла и Нитокрис - Озимандия… Взял в качестве достойной оплаты за свою милость время, силы и разум прибывшей к нему правительницы, поручив той сделать первый шаг на пути воспитания Нитокрис в качестве фараона.

Хотя Озимандия Богоподобный, царь всех царей, был величайшим из всех величайших - что, конечно же, означало и то, что он был величайшим из всех учителей - любой погонщик может привести мула к реке, но ни один погонщик не сможет заставить мула пить воду.

Нитокрис… Была для Озимандии… Какое же из всех слов его лексикона, достойного величайшего из всех фараонов, тот мог использовать в отношении Нитокрис?

Нитокрис была очаровательным дитя, умилительным в своей непосредственной неумелости и наивной стремлении к совершенству без понимания пути и финального прибежища на этой дороге.

Однако вместе с ее обожествляющим восхищением, коего Озимандия Величайший заслуживал более всех - что было лишь естественно для сиятельного фараона - та была ослеплена его сверкающим сиянием Солнца - и в этом свете не могла увидеть следующего шага по избранному ей трудному пути…

И потому Озимандия заключил договор - от одного правителя к другому - не как равные, но как

те, что видят друг друга со своих вершин - и правительница сдержала свое слово, позволив Нитокрис сделать первый шаг по долгой и скользкой дороге вверх, к вершине, на которой хочется стоять всем по пути, но столь одиноко стоять в конце.

Королева сдержала свое слово - и Озимандия сдержал свое… И не испытывал ничего сверх обычного перед наступающим сражением. Зачем должно ему это было?

Бог среди богов, Озимандия Непобедимый, не видел впереди ничего необычного. Победа в любом бою была ему обыденна, а гибель в любом бою была лишь ожидаема. В смерти не было поражения, а в победе не было восхищения - такова была судьба величайшего из всех. Ничто не могло встать на его пути - и ничто не могло опорочить его пути. Как новое Солнце восходит каждый раз - так подобно этому Солнцу Озимандия проделывает свой путь по этому миру, даруя людям свет своим величием. Как поднимают в злобе против него клинок - так и падают побежденные его враги. Как воздвигаются монументы людской спеси - так и рушатся они по мановению руки. Как сияет во тьме свет - так и падают боги, и вместе за ними падают царства их земные и все памятники эпох их.

Озимандия не переживал о надвигающемся сражении - ибо как бы ни был долог день - любое Солнце заходит однажды на Западе. И как бы ни была темна ночь - новое Солнце взойдет вновь на Востоке.

***

Артурия перенесла взгляд с одной окутанной золотым сиянием башни Камелота на другую, прикрыв глаза.

Как забавно ей было сейчас - глядя на свой дом думать о том, как она разрушит его до основания. Вспоминать своих старых друзей и верных слуг, держа в руках клинок, предназначенный для их гибели. Размышлять о том, другом Короле Артуре, что правил в этом, другом Камелоте.

“Можно ли сказать, что я стала понимать сейчас немного лучше Ланселота, Мордред, Моргану?” - Артурия задала вопрос в пустоту своих мыслей, не надеясь на ответ.

Три главных предателя в ее жизни…

Судя по всему Моргана отсутствовала в этой версии Камелота - не зная иной информации Артурия могла предположить с усмешкой только то, что даже спустя века ведьма не могла переносить вида правящего Короля Артура - даже его ложной и извращенной копии, никогда не владевшей Экскалибуром.

Мордред отсутствовала потому, что Аинз ранее уже призвал ту в качестве собственной Слуги - и, по какой-либо причине и правилам, действующим в этом мире, по крайней мере две абсолютно одинаковые версии Слуг не могли быть призваны… Исключая случай с Нероной, конечно же.

Хотя, одна Нерона носила красное платье, а вторая - белое. Этого было по видимому достаточно для двух императоров чтобы считать их версии разными Слугами.

Однако Ланселот… Ланселот все же существовал в этой версии Камелота.

Ланселот, хм… Забавно, но за прошедшие месяцы Артурия… Едва вспоминала о нем.

Одно следовало за другим - встреча с одним, разговор с другим, миссии сменяющиеся отдыхом, и еда… Много еды.

Артурия - та, кем она была сейчас - не считала себя склонной к бездумной саморефлексии личностью. Наоборот, Артурия считала себя крайне решительной Слугой. Что было - то было. Что произошло - не исправить. Ее Камелот был разрушен, ее трон был сломан, ее смерть произошла - и все, что Артурия могла сделать - это принять случившееся с высоко поднятой головой - вместо попыток понять прошлое она могла только попытаться изменить будущее, совершая действия в настоящем.

И настоящее твердило ей, что она должна была направиться на штурм Камелота - с целью убить ее ближайших соратников и верных в прошлом Слуг ради собственной цели…

“Действительно, я вспоминаю Ланселота” - Артурия прикрыла глаза на мгновение.

Ее верный последователь, ее верный рыцарь Ланселот… Связавшись с Гвиневрой тот обесчестил брак Артурии - после чего убил в своем безумии рыцарей - своего пажа, Гарет… И все же, оказавшись перед судом, тот не был казнен.

Артурия прошлого не опустила клинок правосудия на его шею - казнь не была совершена и Ланселот был помилован.

Была ли Артурия прошлого права в своем суждении? Было ли это духом закона прошлого? Лазейкой, оставленной специально для пытливых умом? Или Артурия прошлого была не столь неподкупна в своем суждении - и ради своего лишившегося чести рыцаря переступила через закон, протянув тому руку?

Как бы поступила тогда Артурия из текущего момента?

Предать Ланселота мечу не было бы зазорно - многие рыцари погибали и за меньшие прегрешения против короля - не говоря о подобном предательстве. Артурия могла представить клинок в своей собственной руке, направленный на Ланселота.

Или, отказавшись публично от наказания, как милосердный король, предоставить возможность стороннему лицу избавиться от предателя? Ланселот был силен, отчаянно силен - сильнейший из всех рыцарей в бою - отправленный по его душу убийца должен быть не менее силен в своем искусстве… Успех не был бы гарантирован - но мастера плаща и кинжала также не были новичками - появившийся из тени клинок мог оборвать любую жизнь - стоило тому избрать удачный момент для удара…

Или же нет? Просто позволить отчаянию и безумию, ложному прощению, скрывающему внутри отравляющий душу Ланселота яд, медленно пожрать его, снаружи и изнутри его оболочки? До тех пор, пока черное вязкое безумие не поглотит его, изнутри и снаружи - пока правда о его жизни, о его поступках, о бытие не сведет его с ума до конца?

И когда это произойдет - что будет милосерднее? Позволить ему сбежать прочь, оставив его наедине со своими грызущими изнутри мыслями и предательством - или предать его клинку?

Или попробовать даровать ему прощение вновь - имело ли это вовсе смысл? Было ли это возможно на самом деле - Ланселот никогда не позволил бы себе забыть случившееся - и никогда не забыл бы своих прегрешений. Ланселот всегда помнил бы о том, что он совершил, что он должен был сделать - что он не сделал. Вечный предатель своего короля…

Было ли это более жестоко - простить его в конце концов? Дать ему увидеть свет в конце его страданий? Позволить ему вернуться на службу, вернуть свой клинок на службу своего короля - того короля, что он уже однажды предал - обнажить спину для нового удара - позволить Ланселоту вновь встать перед выбором - оказаться верным или вонзить клинок в тело своего короля…

Было ли это лишь следующим шагом пытки для Ланселота - или было ли это действительно милосердным прощением для рыцаря, что позволило бы ему видеть свет…

Артурия не знала.

Но, открыв глаза и глядя на фигуру Камелота - Артурия знала точно одно.

Она встретился с Ланселотом вновь, на поле сражения.

В этом уверенность Артурии относительно последующего сражения была абсолютна.

***

Поднявшись благодаря своей магии на высоту над Камелотом, поглощенным золотым сиянием, Аинз внимательно присмотрелся к территории под своими ногами.

“Жаль, но опознать ничего больше примерного расположения улиц, стен, башен - и того факта, что это место явно обладает каким-то действующим пассивным эффектом” - Момонга не стал теоретизировать, впрочем, относительно действующего эффекта. В обычным условиях золотой яркий свет вызвал бы в нем ассоциации с Солнцем, а значит огнем и святой силой - однако даже в Иггдрасиле подобная легковерная ассоциация часто приводила к гибели зазнавшегося игрока. Здесь и сейчас же, в этом мире тем более было опасно допускать подобное легковерие… Как, впрочем, и погружаться в излишнюю паранойю - предыдущие Сингулярности успели научить Аинза опасности как недооценки противника, так и его переоценки.

“Судя по всему мне просто стоит довериться оценке Медб в данном случае” - Аинз мог только вздохнуть на эту мысль. С другой стороны - доверять суждению своей Слуги - явно куда более осведомленной в подобных делах - было не просто логичным шагом, а единственно правильным, который только мог предпринять Аинз в данный момент… Особенно учитывая его предыдущие фиаско.

“По крайней мере я рад, что в очередной раз мой чудесный план оказался самым верным из всех” - Аинз даже не стал реагировать на подобное замечание, просто приняв то как должное. Медб в очередной раз похвалила его, сказав что-то вроде, что Аинз “превзошел нашу слепоту и увидел самый идеальный момент для удара, не оставив и шанса Артурии этого мира” - но сам Аинз даже уже и не переживал по этому поводу.

Что, он в очередной раз создал невероятный план, обыграл гения на его поле боя и одним действием создал бесчисленное количество положительных исходов для себя? Хорошо, это понятно, а что на ужин?

Аинз… Не то, чтобы смирился со своим положением в этом мире, позволив реке будней нести его дальше по жизни, сколько просто принял тот факт, что если он сделал что-то невероятное… То он сделал что-то невероятное. И это даже было неплохо само по себе.

В конце концов Аинз проделал подобное столько раз - причем совершенно случайно - что

сейчас, даже если он выйдет и скажет честно всем и сразу, что он понятия не имел, какими способностями он обладал, что он совершенно ничего не знал о чудо-планах, что ему приписывают и в целом представлял из себя самого обычного человека из будущего, игравшего в игру, который по недоразумению оказался перенесен в другой мир с силами своего игрового аватара, то…

Ну, по крайней мере никто не покрутит пальцем у виска относительно его безумия - скорее всего они просто сочтут это его причудой древнего гениального темного мага… Или найдут какой-нибудь очередной гениальный план в его действиях.

Что было страшнее всего для Аинза - так факт того, что они, вполне вероятно, действительно выведут какой-нибудь очередной гениальный план из его действий. Если это действительно произойдет, то Аинз вовсе сдастся и перестанет сопротивляться, начав делать какие-нибудь случайные события с оправданием того, что “все равно это все приведет к тому, что я гений.”

Но пока ситуация не дошла до этого момента - Аинз по крайней мере мог сохранять крохи своей рациональности и делать то, в чем он по крайней мере был уверен.

Атаковать базу противника, причем Камелот… Хах, можно было сказать, что это вызывало теплые воспоминания в разуме Аинза.

И король Артур, значит… Аинз едва победил его во время прошлого столкновения с тем - проклятый паладин выдавал какой-то совершенно нереальный ДПС - особенно против Аинза, нежити с максимальной отрицательной кармой - так что ему пришлось пустить в ход все свои способности, ресурсы, знание тактики, умения - и даже этого бы не хватило, если бы Аинзу не помогли его друзья…

Если бы Аинз оказался сейчас против того Короля Артура…

То, конечно же, без особых проблем он разобрался бы с ним - его способности сильно изменились с прошлого момента, когда Аинз сталкивался с Королем Артуром… Однако если бы и его способности изменились также…

Ему бы потребовалась помощь - наверняка. Как минимум кто-нибудь способный отвлечь Короля Артура в ближнем бою - и точно ему бы потребовался щит, способный выдержать ДПС противника…

А еще ему бы потребовался второй ДПС на его стороне, помимо самого Аинза - способный пробиться сквозь защиту Короля Артура и атаковать его уязвимость - поймать в нужный момент, прежде чем прикончить врага в момент секундной слабости противника - закончить квест и большой рейд на Камелот…

Но друзья Аинза ушли. Ушли навсегда и больше не было возможности вернуть их.

Аинз прикрыл глаза на секунду, ощутив, как где-то в глубине его души отозвались пустотой и болью эти слова…

Прежде чем взгляд Аинза прошел дальше сияющей солнечным светом громады Камелота.

Но даже если его друзья ушли… В этом сражении он не был один.

И от осознания этого отозвавшиеся пустотой и болью в его душе слова чуть ослабли, позволив Аинзу допустить на его лице самую маленькую и незначительную из всех возможных улыбок.

Но от того не менее искреннюю.

http://tl.rulate.ru/book/74423/3525761